

УДК 821.161.1 – 1.09:82.02

В.В. Щербина

**ОППОЗИЦИЯ «БЕЛЫЙ-ЧЕРНЫЙ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА И МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ**

Конец XIX–начало XX века – переходная эпоха в истории России – был переходным этапом и для литературного процесса. Настроение времени определялось предчувствием общественных потрясений и ожиданием нового. Картина литературного развития рубежа веков чрезвычайно сложна. Разный характер литературных явлений, несхожесть эстетических программ также свидетельствуют о переходности эпохи. В этот непростой период размежевались и непосредственно осознали друг друга противоположные по своей природе, реалистические и нереалистические идейно-художественные течения.

Годы самоопределения и наступления русского символизма «всем фронтом» совпали с началом литературной деятельности Ю. Балтрушайтиса и были временем его наибольшего интереса к этому художественному течению. Оказавшиеся на стыке столетий, до болезненности чутко переживавшие кризисность эпохи, поэты-символисты стремились изменить представления о художественном творчестве и найти такие способы создания произведений искусства, которые могли бы способствовать рождению другой культуры иного, нового типа.

Опираясь на целую систему идеально-философских и поэтических исканий, символисты создавали новый тип художественного мышления, основанный на обожествлении слова и культовом отношении к языку, способному, по их мнению, произвести мифотворческие преобразования в живой действительности. Творцы нового литературного течения выработали манеру письма, наиболее отличную от общепринятой. Эта манера помогала им не только описывать мир

мечты, но и передавать едва уловимые движения жизни, создавая настроение, необходимое художнику. Воображение читателя проникло «за пределы предельного», воссоздавая намеченную мысль автора. Тенденция к абстрагированию, к изображению идей, а не предметов во многом определяет своеобразие символизма, который не стремился показать мир в его конкретности, а искал универсальных закономерностей. Благодаря неопределенности и некоторой зыбкости своего значения слова в художественном мире символистов вызывают разнообразные ассоциации, соотносятся с различными чувствами. В поэтическом языке символистов, лишенном бытовых и конкретно-вещественных понятий, слова менее предметны, но более внутренне объемны. Подобное отношение к образному слову и особое видение мира сближало поэтов-символистов с импрессионистами. Символистская поэзия требовала импрессионистических средств для поэтического воплощения идеи в образе. Одним из важнейших выразительных средств символистской поэзии становится цвет, оказывающий сильное художественное воздействие на читателя и создающий в воображении яркую зримую картину.

Поэты-символисты внесли в литературу не только самобытную систему образов и эмоциональный колорит, но и свойственную им цветовую парадигму, которая отразила представления о цветовой системе со времен раннего средневековья до нового времени. Идейный и образный мир поэзии символистов становится неотъемлемой частью русской культуры рубежа веков, во многом меняя мировосприятие современников и определяя новое отношение к образному слову. Формируясь и как художественно-поэтическая школа, и как философское направление, символизм стал одним из наиболее влиятельных и сложных явлений конца XIX–начала XX веков. Традиции символистской поэзии получили определенное продолжение в творчестве русских поэтов и писателей, не принадлежащих к данному литературному направлению.

Годы формирования творческого гения М. Цветаевой совпали с периодом расцвета и наибольшей популярности символизма. Исследовательница Л. Зубова отмечает: «Марина Цветаева – поэт,

отразивший в своих произведениях самые различные пласты мировой культуры: стихию русского фольклора, традиции романтической поэзии – русской, немецкой, французской, традиции классицизма, античной поэзии, стилистику высокого слога и стихию просторечия» [8, с. 5]. Хотя М. Цветаева и не разделяла идейно-эстетических взглядов символистов, глубокое постижение культурных универсалий, лингвистическая интуиция, максимальная выразительность и емкость слова сближали поэтику М. Цветаевой с художественным миром символистской поэзии. Обожествляя слово, каждый поэт-символист создавал уникальную художественную систему, где звуки и краски оказывались для понимания важнее, чем значение слов. Эстетические воззрения символистов обусловили их особое отношение к цвету.

Цель данного исследования – выявить особенности формирования и развития оппозиции *белый-черный* в творчестве М. Цветаевой и Ю. Балтрушайтиса, обозначить сходство и различие в использовании белого и черного цвета в художественном мире поэзии М. Цветаевой и Ю. Балтрушайтиса в их притяжении и отталкивании с творчеством поэтов-символистов старшего и младшего поколения.

Белый цвет является продуктивным в творчестве многих поэтов-символистов, хотя их восприятие белого цвета и отношение к нему неоднозначно. Значимое место занимает белый цвет и в поэзии Балтрушайтиса.

Вбирая в себя все цвета, белый цвет приобретает универсальное значение и, переставая быть цветом, превращается в символ, в некое качество, например, характеризующее потусторонний мир: «Гудур в саду из бледных, нежных, / Из лунных лилий... и среди них / Пред нею, в ризах белоснежных, / Ее тоскующий жених» («Лунная соната») [1, с. 75]. В данном стихотворении белый цвет является символом таинственного и пугающего «мира теней». Мертвая ранящая белизна заливает все пространство. Повторяющееся имя девушки подчеркивает одиночество лирической героини и усиливает ощущение тревожного беспокойства. В стихотворении «Лунная соната» явственно слышны апокалипсические мотивы.

По мысли Л. Зубовой, зрительный образ занимает в поэтике М. Цветаевой значительное место. Цвет играет особую роль в создании выразительного и динамичного зрительного образа. «Цветаева создает в своих произведениях такие ситуации, в которых цвет проявляет свою принадлежность к категории духовного» [8, с. 186]. В художественном мире Цветаевой слова-цветообозначения активно взаимодействуют друг с другом. Оппозиция «белый-черный» представляется самой частотной в творчестве поэтессы. «Эта универсальная для всех времен и культур оппозиция, получает у Цветаевой нетрадиционную интерпретацию», – отмечает Л. Зубова [8, с. 117]. Согласно древней христианской символике белый цвет говорит о причастности к ангельскому чину, лику блаженных, святых. По мысли Н. Бахилиной, «в качестве атрибута святости является не только белая одежда, но и что-то другое, белого цвета» [4, с. 26]. В стихотворении М. Цветаевой «Георгий» знаковым является образ белого коня, который является средством выразить главное – причастность главного героя к святости: «Ресницы, ресницы, / Склоненные ниц, / Стыдливостью ресниц / Затменные – солнца в венце стрел! / – Сколь грозен и сколь ясен! / И плащ его – был – красен, / И конь его – был – бел» («Георгий») [10, с. 155]. Поэтесса переосмысливает характер Святого Георгия. Для нее он не только герой, спаситель царской дочери от дракона, но и «победы не вынесший», человек побежденный самим собой. Согласно легенде, Георгий был казнен во время гонения на христиан. Образ белого коня можно также рассматривать как сигнал о скорой гибели героя и его переходе в лик святых.

Противопоставление белого и черного цвета в стихотворении М. Цветаевой «Белизна – угроза Черноте...» отражает мысль поэтессы о двойственности мира, о наличии двух реальностей и вечной борьбе тьмы и света: «Белизна – угроза Черноте. / Белый храм грозит гробам и грому, / Бледный праведник грозит Содому / Не мечом – а лилией в щите! / Белизна! Нерукотворный круг!» («Белизна – угроза Черноте...») [10, с. 174].

В стихотворении М. Цветаевой «Дон» нашли отражения трагические события истории России. Оппозиция *белый-черный* связана в

данном контексте с нравственной оценкой личности. Поэтесса воспеваёт подвиг участников белого движения, до конца оставшихся верными присяге: «Белая гвардия, путь твой высок: / Черному дулу – грудь и висок. / Божье да белое твое дело: / Белое тело твое – в песок. / Не лебедей это в небе стая: / Белогвардейская рать святая / Белым видением тает, тает...» («Дон») [11, с. 133]. Высокий, стилистически приподнятый язык стихотворения создает особый эмоциональный настрой, вызывающий душевный отклик и сочувствие.

В художественном мире А. Блока белый цвет также является символом святости и необходимого человеку нравственного очищения: «Люблю вечернее моленье / У белой церкви над рекой, / Передзакатное селенье / И сумрак мутно-голубой» («Я отрок зажигаю свечи») [5, с. 204]. По мысли Н. Соколовой, в лирике А. Блока белый цвет «часто олицетворяет потусторонность, нечто неземное, таинственное и вместе с тем величественное и всесильное» [9, с. 89]. «Торжествуя победу могилы, / Белый – смотрит в морозную ночь» («Неотвязный стоит на дороге...») [5, с. 145].

В поэзии символистов белый цвет часто ассоциируется с невинностью и чистотой. Лирический герой стихотворения К. Бальмонта «Снежинка» искренне восхищен легкостью, ослепительной чистотой и красотой крошечной снежинки: «Светло-пушистая, / Снежинка белая, / Какая чистая, Какая смелая! / В лучах блистающих / Скользит, умелая, / Средь хлопьев тающих / Сохранно-белая» («Снежинка») [2, с. 78].

В стихотворении З. Гиппиус «Весенний ветер» белый цвет ассоциируется с юными грезами, счастливым и беззаботным временем в жизни человека: «Неудержимый, властный, влажный, / Весельем белым окрылен, / Слепой, безвольный и отважный / Он вестник смены, сын Времен» («Весенний ветер») [7, с. 150]. Белый ветер – высший взлет, высшая точка радости. Образ белого ветра наполняет поэтическое пространство ощущением легкости и весенней свежести.

В. Брюсов, как и К. Бальмонт, часто использует белый цвет для создания пейзажных образов и описания природных явлений: «Облака опять поставили / Паруса свои / В зыбь небес свой бег направили

/ Белые лады...» («Облака») [6, с. 341]. В стихотворении «Туман» В. Брюсов создает чарующую картину тихого туманного вечера. Туман скрывает реальный мир от лирического героя и читателя и создает свой мир, зыбкий и таинственный: «Вдоль тихого канала / Проходит вереница / Пониких белых дев... / Из тихого канала / Как белые громады, / Встают ряды коней» («Туман») [6, с. 373].

Ю. Балтрушайтис также использует в своих стихотворениях белую окраску для описания природы. В стихотворении поэта «Вечер в горах» белый – цвет горных вершин, далеких от людской суеты и недоступных для человека. Горные вершины уходят высоко в небо, где открывается другой, холодный и чуждый людям мир. Белый цвет – символ этого мира: «В сонном царстве вечных льдов... / Белых замков, городов... / У ворот их, строясь в ряд, / Стражи белые стоят» («Вечер в горах») [1, с. 107].

Если в стихотворении Балтрушайтиса «Вечер в горах» белый цвет ассоциируется с мертвым покоем и помогает отразить непоколебимое величие горной стихии, в ее застывшей царственной неподвижности, то в другом стихотворении поэта – «Лесной водопад», белая окраска используется для создания образа иной стихии – водной, в ее мощном, не подвластном человеку движении: «Дрогнул строй прибрежных елей – / Рвутся, делятся стволы / В вихре снежных ожерелий, / В дымных взрывах белой мглы...» («Лесной водопад») [1, с. 175].

Н. Соколова отмечает, что белый цвет «был иерархически-ценностным для представителей символизма, передавая апокалиптические мотивы» [9, с. 89]. Анализ поэтического творчества Ю. Балтрушайтиса показывает, что чаще всего поэт использует белый цвет в стихотворениях, где слышны апокалипсические мотивы. Так, в стихотворении «Marcia Egoica», тема которого – ожидание прихода Мессии, перед нами предстает захватывающая картина снежной бури. Строки эпиграфа, предваряющего стихотворение, взяты из католического церковного гимна и содержат напоминание о неминуемом судном дне. Апокалипсические мотивы находят отражение в образной системе стихотворения. Перед читателем предстает Белый Витязь, сопровождаемый белой конницей ангелов, и грозный трубач,

который звуками своего серебряного рога будит спящий мир и предупреждает о начале борьбы светлых и темных сил. Белизна охватывает все пространство, и скоро даже луна, которая казалась бледной в начале стихотворения, предстает перед нами темным пятном на ослепительном белом фоне: «В снежной пустыне, среди лунных огней, / Белые всадники гонят коней... / Снежным туманом дымятся поля... / Белым пожаром объята земля!» [1, с. 90].

Апокалипсические мотивы звучат и в стихотворении Балтрушайтиса «Венчание», в котором поэт также создает яркую картину бушующей снежной стихии: «В венчальном поле дикая Метель / Прядет – свивает белую кудель... / Поют ее прислужницы и ткут, / Тебя в свой бархат белый облекут» («Венчание») [1, с. 96]. Стихотворение Балтрушайтиса «Венчание» получило высокую оценку в статье К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», где поэт отмечает особую музыкальность стихотворений Балтрушайтиса: «в напеве Балтрушайтиса, широком и вольном, – не теснота комнаты, простор солнечного зрения, не любовь – как проклятие и смерть, а смерть – как благословение и любовь» [3, с. 300].

В более поздних стихотворениях Балтрушайтиса белый цвет отражает умудренность и успокоенность чувств. В стихотворении «Зимняя дорога» поэт снова раскрывает перед нами широкие белые просторы, залитые спокойным лунным сияньем. Зимний пейзаж, созданный поэтом, наполняет душу не холодом, а духовным покоем, а излюбленный поэтом образ «белого зерна», которое является залогом продолжения жизни на Земле, прогоняет горькие мысли и внушает надежду на обретение радости и гармонии: «День и ночь средь снега – / Два глухих зерна, / Два немых побега / Белого зерна... / Вскрыла в даях Бога / И в груди людской / Белая дорога / Белый свой покой...» («Зимняя дорога») [1, с. 118]. Стихотворение «Зимняя дорога» является в какой-то мере знаковым для характеристики белого цвета в цветовой парадигме Балтрушайтиса. В данном поэтическом контексте поэт неоднозначно подходит к трактовке белого цвета. С одной стороны, белая окраска остается характеристикой Высших сил, но при этом белый цвет теряет оттенок враждебности

и уже не грозит человеку смертью и холодом. Тихо падающий снег и белая зимняя дорога вызывает в воображении читателя яркие картины пробуждающейся весенней природы: «Смутно и безболно / Снится даль весны / В веяньи раздольной / Белой тишины» («Зимняя дорога») [1, с. 119].

Иной представляется тишина в стихотворении З. Гиппиус: «На улицах белая тишь. / Я не слышу своего сердца... / Город снежный, белый – воскресни!» («Тишь») [7, с. 211]. Белый цвет создает особую эмоциональную окраску всего стихотворения. Лирическая героиня страдает и мечется в уснувшем мертвым сном городе. В стихотворении звучит мысль о близости смерти и трагичности земного бытия.

В стихотворении К. Бальмонта «Мертвые корабли» белый цвет символизирует вечный покой и смерть. Поэт создает величественную картину северной природы. Белый цвет придает созданной картине особую масштабность и таинственную величавость. Образ мертвых кораблей полон непостижимого сумрачного величия: «Между льдов затерты, спят в тиши морей / Остовы немые мертвых кораблей... / Белый снег ложится, вьется над волной, / Воздух заполняя мертвой белизной. / Вьются хлопья, вьются, точно стаи птиц, / Царству белой смерти нет нигде границ» («Мертвые корабли») [2, с. 25].

Исследовательница Л. Зубова отмечает, что оппозиция *белый-черный* в творчестве М. Цветаевой отличается многоплановостью и разнообразием значений. В художественном мире поэтессы особенности употребления белого и черного цветов могут соответствовать устойчивой традиции употребления в литературе XVIII–XIX веков. Ориентация на эстетическую функцию языка, смысловую многоплановость поэтического слова, стремление довести цветовой признак до того предела, где количество переходит в качество позволяют Цветаевой выходить за рамки сложившихся традиций, что также сближает ее художественный мир с поэтикой символизма. Черный цвет в творчестве поэтессы может иметь позитивное содержание, а белый – негативное. По мысли Л. Зубовой, «черный цвет соотносится со смыслами: полный, значительный, самый лучший, тайный, полный страдания» [8, с. 114]. Черное, как максимально

наполненное, страстное, вдохновенное противопоставляется белому, как пустому и бесстрастному в стихотворении М. Цветаевой «Стихи к Пушкину». Выразительные детали стихотворения создают зримую картину: «Черного не переокрасить / В белого – не исправим! / Недурен российский классик, / Небо Африки – своим / Звавший» («Стихи к Пушкину») [10, с. 279]. В данном поэтическом контексте пересекается прямое и символическое значение цвета.

В художественном мире М. Цветаевой черный цвет может быть связан с земным миром, с реальной жизнью человека. Черный цвет понятен и близок лирической героине стихотворения «Я – страница твоему перу...». Два противоположных цвета устремлены навстречу друг другу. Белый цвет олицетворяет пустоту, готовность к заполнению. Черный цвет символизирует полноту жизни во всех ее проявлениях: «Я – деревня, черная земля. / Ты мне – луч и дождевая влага. / Ты – Господь и Господин, а я / Чернозем – и белая бумага!» («Я – страница твоему перу...») [10, с. 105].

В цветовой парадигме поэзии Ю. Балтрушайтиса черный цвет играет важную роль в создании эмоциональной окраски поэтического повествования. В стихотворении «Детские страхи» черный цвет символизирует пугающий ночной мир, который предстает таковым лишь в детском воображении. Стихотворение пронизано легкой иронией. Черная мгла страшна лишь ночью, с приходом утра мгла рассеется и вместе с ней исчезнет страх: «Вражьей силе нет преграды... / Черным зевом дышит мгла, / И колеблет свет лампы / Взмах незримого крыла» («Детские страхи») [1, с. 55].

Черный цвет в поэзии Балтрушайтиса может символизировать и некие неведомые силы, определяющие и направляющие жизнь человека. В одном из своих стихотворений поэт создает образ черного озера, некоего бесконечного и таинственного мира, куда, словно реки, впадают дни земной жизни человека: «Но день идет, и скорбно в их простор / Теснится тень, как некий сон упорный / О мертвых безднах сумрачных озер, / Что горестно их ждут в свой омут черный» («Черное озеро») [1, с. 54]. Черный цвет в данном стихотворении – цвет бесконечности и бездонной глубины.

Мысль о трагичности земного бытия звучит в стихотворении Балтрушайтиса «Черное солнце». Для одинокого, страдающего лирического героя выход в смерть видится обретением смысла жизни. Человек не является носителем мрака. Порыв к смерти связан с духовным преображением и творческой волей, готовностью вступить в поединок с жизнью. Черный цвет в данном поэтическом контексте ассоциируется с заведомой обреченностью лирического героя в его противостоянии Высшим Силам: «Где в лунный час, как ворон на кургане, / Чернею я, / И жду, прозревший в жизненном обмане, Небытия!» («Черное солнце») [1, с. 91].

В творчестве других поэтов-символистов черный цвет может быть и символом ночного пугающего мира, и характеристикой тяжелой, безрадостной жизни человека: «Я стар душой. Какой-то жребий черный – / Мой долгий путь. / Тяжелый сон, проклятый и упорный / Мне давит грудь» («Я стар душой...») [5, с. 22]. Черный цвет подчеркивает глубокое отчаяние лирического героя этого блоковского стихотворения. В стихотворении звучит мотив одиночества, безысходности, болезненного восприятия жизни.

В стихотворении В. Брюсова «Любовь» черный цвет превращается в некое качество и становится символом тайны, без которой нельзя представить чувство любви: «Любовь находит черной тучей, / Молись, познав ее приход... / И кто б ни поднял кубок жгучий, – / В нем дар таинственных высот» («Любовь») [6, с. 179]. В. Брюсов не случайно отождествляет чувство любви с черной тучей. Как черная туча несет на землю очистительную грозу, так и любовь возвышает душу человека, очищая его помыслы и желания.

Мысль о необходимости духовного преображения звучит в стихотворении З. Гиппиус «Стук». Без веры человек обречен бесконечно блуждать в темноте. Его жизнь проходит под покровом вечно длящейся ночи. Вера спасительна и целебна для души. Она возвышает человека над суетой и ведет его из тьмы к свету: «Полночная тень. Тишина. / Стук сердца и стук часов. / как ночь непонятно черна! / Как тяжек ее покров! / Но знаю: бессильных сердец / Еще неподвижной

мрак / Тебе я молюсь, Отец! / Поддай мне голос иль знак!» («Стук») [7, с. 78].

Подведем некоторые итоги. Анализ творчества Балтрушайтиса позволяет нам увидеть его поэзию во всем разнообразии образов и красок. Цветовая парадигма в стихотворениях Балтрушайтиса разнообразна, а ее особенности определяются мироощущением поэта, его философскими и эстетическим взглядами.

Белый цвет является одним из самых частотных в художественном мире Балтрушайтиса. Белая окраска является характерной неземного мира и атрибутом Высших Сил. Употребление белого цвета связано с идеей Мессианства и с волнующей поэта диалектикой жизни и смерти.

Черный цвет ассоциируется со всем таинственным и непознанным. Это цвет скорби и одиночества. Черный цвет близок человеку, он характеризует глубины человеческой души, которые постигает поэт, поглощая другие краски и устремляясь к свету.

В художественном мире поэзии Цветаевой белый и черный цвета совмещают прямые и символические значения. Оппозиция *белый-черный* характеризуется многоплановостью и разнообразием значений, что сближает творчество Цветаевой с поэтикой символизма. Цвета интерпретируются в системе ценностей художественного мира поэтессы, создавая определенную экспрессивно-стилистическую тональность.

Литература

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Юргис Балтрушайтис. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 319 с.
2. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1983. – 750 с.
3. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / К.Д. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1980. – 742 с.
4. Бахилина Н.Б. История цветообразований в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
5. Блок А. Собрание сочинений: в 8 тт. / А.А. Блок. – М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – Т.1. – 715 с.

6. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 тт. / В.Я. Брюсов.– М.: Худ. лит., 1973. – Т.1. – 672 с.
7. Гиппиус З.Н. Сочинения: Стихотворения; Проза / З.Н. Гиппиус. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.
8. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой / Л.В. Зубова. – Ленинград: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
9. Соколова Н.К. Слово в русской лирике начала XX века / Н.К. Соколова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. – 159 с.
10. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 тт. / М.И. Цветаева. – Мн.: Нар. асвета, 1989. – Т.1. – 542 с.
11. Цветаева М.И. Избранное. Лирика / М.И. Цветаева. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 512 с.

Анотація

В.В. Щербина. Опозиція «Білий-чорний» у художньому світі Юргіса Балтрушайтіса та Марини Цветасвої у контексті російської символістської поезії

У статті розглядається специфіка розвитку та особливості сприйняття білого та чорного кольорів у поетичному світі Юргіса Балтрушайтіса та Марини Цветасвої. Показано, що білий колір є одним з найчастотніших у творчості Балтрушайтіса. Встановлено, що білий колір у поетичному світі Балтрушайтіса використовується у віршах, пов'язаних з темою очікування приходу Месії та проблемою духовних пошуків героя. Білий також є характеристикою неземного світу та атрибутом Вищих Сил. Чорний колір асоціюється з темою шляху, безрадінного земного існування людини та ідеєю про необхідність духовного відродження.

Встановлено, що опозиція *білий-чорний* у художньому світі Цветасвої характеризується багатоплановістю та різноманітністю значень. Використання білого кольору може бути пов'язаним з традицією російської літератури XVIII–XIX століть, в якій білий колір мав ознаку святості або вказував на приналежність до ангельського чину. Білий колір також може мати негативне значення та бути пов'язаним з чимось незначним, нецікавим та пустим. У художньому світі Цветасвої слова на позначення кольору активно взаємодіють між собою, що веде до створення динамічного образу. Чорний колір може асоціюватися з чимось негативним, страшним та небезпечним, що співпадає зі звичним сприйняттям кольору. У творчості Цветасвої чорний колір може набувати позитивного значення. Чорний пов'язаний з

поняттям повноти життя. Він сприймається людиною як близький та зрозумілий. Білий є характеристикою таємного світу, далекого та холодного.

Ключові слова: колір, лірика, символ, художня система, поетичний світ.

Аннотація

В.В. Щербина. Опозиція «Белый-черный» в художественном мире Юргиса Балтрушайтиса и Марины Цветаевой в контексте русской символистской поэзии

В статье рассматривается специфика развития и особенности восприятия белого и черного цвета в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса и Марины Цветаевой. Показано, что белый цвет является одним из самых частотных в творчестве Балтрушайтиса. Установлено, что белый цвет в поэтическом мире Балтрушайтиса используется в стихотворениях, связанных с темой ожидания прихода Мессии и проблемой духовных поисков лирического героя. Белый также является характеристикой неземного мира и атрибутом Высших Сил. Черный цвет ассоциируется с темой пути, безрадостного земного существования человека и идеей о необходимости духовного возрождения.

Установлено, что оппозиция *белый-черный* в художественном мире Цветаевой характеризуется многоплановостью и разнообразием значений. Использование белого цвета может быть связано с традицией русской литературы XVIII–XIX веков, в которой белый цвет имел признак святости или указывал на принадлежность к ангельскому чину. Белый цвет также может иметь и негативное значение и может указывать на что-то незначительное, неинтересное и пустое. В художественном мире Цветаевой слова-цветообозначения активно взаимодействуют друг с другом, что способствует созданию динамичного образа. Черный цвет может ассоциироваться с чем-то негативным, пугающим и опасным, что совпадает с привычным восприятием цвета. В творчестве Цветаевой черный цвет может приобретать и позитивное значение. Черный связан с понятием о полноте жизни. Он воспринимается человеком как близкий и понятный. Белый цвет является характеристикой таинственного мира, далекого и холодного.

Ключевые слова: цвет, лирика, символ, художественная система, поэтический мир.

Summary

V.V. Shcherbina. The Opposition “White-Black” in Yurgis Baltrushaitis’ and Marina Tsvetaeva’s Poetic World in the Context of Russian Symbolist Poetry

The specific character of the development and peculiarities of white and black colours perception in Yurgis Baltrushaitis’ and Marina Tsvetaeva’s poetic world is taken into consideration in the article. It is shown that white colour is considered to be one of the most frequent in use in Baltrushaitis’ creative activity. It is proved that white colour is used in the poetry connected with the idea of Messiah’s coming and the problem of spiritual search of a person. White colour is also considered to be the characteristic of supernatural world and Higher Forces. Black colour is associated with the theme of the way and the idea of spiritual revival necessity.

It is shown that opposition *white-black* in Tsvetaeva’s poetic world is characterized by diversity of meanings. The use of white colour may be connected with the tradition of the Russian literature of XVIII-XIX centuries, in which white had a sign of holiness or pointed at the belongingness to the Saints. White colour may also have a negative meaning and may mean something trivial, dull or empty. In Tsvetaeva’s poetic world words naming colours may interrelate with each other and cause the creation of a dynamic image. Black colour may be also associated with something negative, scary or dangerous what corresponds to the conventional perception of this colour. In Tsvetaeva’s creative work black may acquire a positive meaning. Black is connected with the concept of life completeness. It is viewed as something close and clear for a person. White is a characteristic of a mysterious world, distant and cold.

Key words: colour, lyrics, symbol, artistic system, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна – ORCID: 0000-0002-2717-3855, кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна